Прокурорский прицел

Закончился судебный процесс над кинодраматургом Иваном ЛОЩИЛИНЫМ

Приверженцы Отечества
родного
За честь России встали,
не боясь,
И прозвучало праведное
слово,
Между живыми образуя
связь...
Иван ЛОЩИЛИН.
«Матросская Тишина».
декабрь 1993 г.

Завершился судебный процесс над известным кинодраматургом, писателем, журналистом Иваном Лоцилиным, переносившийся в четверг из-за неявки свидетелей со стороны милиции. На этот раз стражи порядка в суд не только явились, но и повергли участников процесса в состояние почти что шока. В. Тибекин вместе с В. Мельниковым (оба — сотрудники МО «Марьина Роща»), задержавший вечером 3 октября на Суцеском валу Ивана Лоцилина с его спутниками, вдруг заявил, что, обнаружив и изъяв у Лоцилина автомат, сам произвел из него очередь.

В перерыве адвокат В. Н. Данильченко скажет мне категорично: «Удивительное невежество! Автомат — это вещественное доказательство, которое может фигурировать в разных обстоятельствах. Вдруг обнаружат в убитом или раненом пулю и установят, что выстрел произведен именно из этого автомата? Возникнет вопрос: кто виноват? И подозрение падет на моего подзащитного. Ну, вы понимаете, что мы сейчас с вами теоретизируем. Но то, что делает сотрудник милиции при задержании Лоцилина, — задерживает человека, изымает автомат и сам производит из него очередь — страшно. На предварительном следствии он таких показаний не давал».

Второй свидетель, В. Мельников, тоже «потряс» присутствующих, заявив, что Лоцилин будто бы при задержании был пьян. Зал встретил эти слова смехом и возмущением: и во ВГИКе, и на кино-

студиях всем известно, что он вообще спиртного в рот не берет — представьте, даже пива.

Был и третий свидетель — сотрудник второго полка ППСМ ГУВД гор. Москвы В. Хорчев. Это ему третьего октября был передан для несения службы злополучный автомат АКС-74У номер 287520, закрепленный за сотрудником милиции Д. В. Надобных. В. Хорчев поведал «страшную» историю о «боевиках», вооруженных заточками, палками, камнями (полный арсенал, запущенный в обиход Ю. Лужковым еще во время событий 1 мая, дабы обвинить в беспорядках демонстрантов), о толпе, которая стала штурмовать мэрию. Разумеется, ни слова не было сказано о том, что первые выстрелы по безоружным демонстрантам раздалась именно из мэрии, что это была провокация, инспирированная властями, чтобы обвинить в кровопролитии Верховный Совет. Говорю не с чужих слов: сама была там, все видела своими глазами, что и засвидетельствовала в прокуратуре.

Но самое главное: все то, что так живописал «свидетель», к обвиняемому не имеет никакого отношения, ибо он автомат у Хорчева не отнимал, заточками и прочим «джентльменским» набором его не «ушощал». Впрочем, и сам Хорчев и на предварительном следствии, и на суде сказал однозначно: Лоцилина никогда не видел и не знает.

Собственно, суду особо следовать было нечего. Да, у Лоцилина в течение примерно шести-семи часов находился автомат, он этого не отрицает, вину свою признает, хотя из оружия не стрелял и ничего противоправного не совершал. Дело попросту сфабриковано, ибо нужно выдумать и раздобыть как

можно больше «боевиков», «бандитов», «преступников». Зашите и государственному обвинителю спорить было не о чем. Представитель гособвинения долго и нудно пересказывала обвинительное заключение, снова и снова вменяя Лоцилину в вину то, что в Останкине вечером 3 октября он не сдал автомат ни милиции, ни в любое государственное учреждение, как предписывает закон. Да полно, уж не с Луны ли она свалилась, неужто не слыхала, не читала, наконец, по телевизору не видела, что тогда творилось в Останкине!

Как и следовало ожидать, государственное обвинение полностью проигнорировало первопричину событий 3 октября. Почему Иван Лоцилин оказался в тот день у мэрии, а потом пошел в Останкино? На этот вопрос ответил в своем выступлении адвокат Виктор Данильченко, сказав прямо и откровенно: «Основным обстоятельством того, что Лоцилин предстал перед судом, стали трагические события, которые имели место 3—4 октября». Он же обратил внимание на то, что существуют не только разные оценки и разные точки зрения на эти события, но и разные подходы к лицам, которые вольно или невольно оказались вовлеченными в них. «В нашей консультации есть адвокат, — сказал он, — который тоже защищает достаточно известного человека. Откликнувшись на безумный, как я полагаю, призыв первого вице-преьера Гайдара, он поехал к Моссовету защищать демократическую

власть и был задержан с pistolетом. Так вот, следственные органы почему-то сочли возможным разрешить ему являться на допросы не под конвоем и не из следственного изолятора, а самому, из собственной квартиры. У него подписка о невыезде. Не хотелось, чтобы и при вынесении меры наказания руководствовались политическими симпатиями».

Адвокат не согласился с государственным обвинителем и в том, что его подзащитный будто бы не делал никаких попыток к добровольной сдаче автомата. И здесь, по его мнению, надо учитывать обстоятельства происшедшего 3-го числа в Останкине. «Есть официальные сведения о том, что там погибло 66 человек. Настоящая бойня в общем-то была... 66 невооруженных граждан, которые находились вне здания Останкина, были убиты наповал. А в самом здании телецентра «Останкино» погибло всего два человека — инженер и военнослужащий отряда «Витязь». Ночь была такая, что ходить по Москве и искать работников милиции, чтобы сдать автомат, как считает представитель гособвинения, по меньшей мере было нереально».

Словом, ничего, кроме несчастного автомата, инкриминировать Лоцилину государственному обвинителю не мог. И по этой причине, наверное, государственное обвинение просило суд при определении меры наказания учесть личность подсудимого и многочисленные ходатайства общественных, творческих

организаций, творческой интеллигенции...

...Суд признал Ивана Лоцилина виновным по статье 218 ч. 1 УК Российской Федерации и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 3 месяца с отбыванием наказания в ИТК общего режима. В счет отбывания наказания зачет периода нахождения его под стражей в следственном изоляторе «Матросской Тишины» и от дальнейшего наказания освободить. Мэру пресечения изменить и освободить его в здании суда.

Суд вынес также частное определение в адрес начальника милиции Северо-Восточного округа и непосредственного руководства, под началом которого работает свидетель В. Тибекин, допустивший незаконные действия при задержании Лоцилина, произведя выстрелы из изъятого им автомата.

Зал, стоя, аплодирует суду. Лена Лоцилина, не скрывая счастливых и горьких слез, низко склоняется перед всеми, кто сочувствовал и боролся за ее мужа. Конвоиры, прихватив наручники, уходят. К Ивану Викторовичу тянутся руки друзей...

Итак, еще один узник вышел на волю после октябрьской трагедии. Сам по себе радостный, этот факт, однако, не является свидетельством торжества справедливости. Прокуратура дробит дело о событиях 3—4 октября на отдельные эпизоды, при этом остается в стороне главный виновник трагедии и ее отправная точка. Иван Лоцилин не пошел бы к Дому

Советов, не оказался бы воле мэрии, не взял бы у незнакомца автомат и не отправился бы вместе со всеми в Останкино, если бы не был издан печально знаменитый антиконституционный указ № 1400, не совершен 21 сентября государственный переворот, а Дом Советов не окружен кольцом блокады, ОМОНОм, милицией, войсками, бэтэрами, спиралями Бруно...

Генеральная прокуратура, пока, к сожалению, до осмысления трагедии и ее истоков с точки зрения исключительно закона не поднялась. Вернее, не хочет подняться. А еще вернее — не может. Не велят. Отсюда откровенно односторонний обвинительный уклон против тех, кто имел мужество выполнять свой гражданский конституционный долг.

В связи с этим не могу не вспомнить, как вся пресса, телевидение умилялись кадрам, запечатлевшим Ростроповича в августе 1991 года с автоматом в «Белом доме». Тогда все — и депутаты, и «защитники» — бряцали автоматами хотя на «Белый дом» никто не нападал. Но то была «революция с лицом Ростроповича», тогда, выходит, вооружаться можно было. Теперь же Ивана Лоцилина, предварительно избив до полусмерти (Лена рассказала мне, что через три дня после ареста, навестив мужа в 141-м отделении милиции, она пришла в ужас: он сидел на стуле, неестественно скорчившись, чувствовалось, что внутри все отбито, болит, малейшее движение вызывает невыносимую боль, разбитое лицо в сплошных кровотоках и синяках), держат четыре месяца, до суда, как особо опасного преступника, в тюрьме. Так что помолчим о справедливости. Она здесь и не ночевала...

Надежда ГАРИФУЛЛИНА.